

УДК 398
ББК 82.3(4Рос)

ВОЕННОЕ ВРЕМЯ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ И ПЕСНЯХ УДМУРТОВ

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ВЛАДЫКИНА

(Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН:
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4)

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ГЛУХОВА

(Удмуртский государственный университет: Российская Федерация, 426034,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1)

Аннотация. Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была достигнута благодаря высочайшему напряжению физических и духовных сил участников сражений и тружеников тыла. В воспоминаниях о военном времени на территории Удмуртии выделяются рассказы самих фронтовиков, рабочих оборонных заводов, тружеников села. Сквозной темой устных рассказов информантов поколения военного и послевоенного времени на селе является изнурительный труд старики, женщин и детей по выполнению планов производства хлеба и сельхозпродуктов, выполнению трудовой повинности на строительстве железной дороги и лесоповале. Оригинальным видом устных рассказов удмуртов являются жанры музыкальной песенной традиции. У северных удмуртов это песни-импровизации, в которых рассказы о своей жизни раскрываются в рамках заданного напева /мелодии, чаще всего «горестного». Основу песен-импровизаций составляют драматические события личной жизни (голод, разруха, смерть, сиротство), их эмоциональное проживание в момент исполнения. Для южных удмуртов характерны созданные в рамках ритуальной традиции «проводов» личные песни. Обращение к ним как к «именным» дает возможность восстановить событийно-эмоциональную картину прощания (проводов на воинскую службу/в армию, на фронт), акустический портрет исполнителя. Этот вид песен обязательно исполняется в контексте устного рассказа-воспоминания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, жизнь в тылу, трудовая мобилизация, устные рассказы, песни-импровизации, личные песни.

Удмуртия¹ в годы Великой Отечественной войны, как и многие другие регионы страны, разделила участь тыловых будней — непомерных усилий городских жителей в сфере оборонной промышленности и массовых трудовых мобилизаций

сельских жителей на внеколхозные работы [Удмуртия 1995; Родионов 2015, 149].

Столица республики г. Ижевск, возникший в XVIII в. как город-завод в системе уральских железноделательных заводов, уже к началу XX в. стал одним из

¹ С 1920 г. — Вотская автономная область, с 1932 г. — Удмуртская автономная область, с 1934 г. — Удмуртская автономная советская социалистическая республика (УАССР), с 1991 г. — Удмуртская Республика [Удмуртская Республика 2008, 171].

известных в стране центров оружейного производства [Щит и меч Отчизны 2008, 11, 194–297]. Для обеспечения круглосуточной работы цехов Ижевского оружейного завода в годы войны было мобилизовано все трудоспособное население. Число рабочих пополнялось также за счет мобилизации деревенских детей 14–16 лет. Пройдя обучение в фабрично-заводских школах (ФЗО) и ремесленных училищах или непосредственно в цехах под руководством старших, они трудились по 8–12 часов [Родионов 2015, 86–98].

О законах сурового военного времени вспоминают и городские, и деревенские жители:

«Мама но пана уло вылэм соку <война кутскику> Ижевскын. Мама ужа вылэм штык лэсътон заводын. А пана ужам банкын, кин вал, уг тодйськи, но по городу коньдон октыса ветлэ, не, вал... Папаез войнае басыто 1942 арын феврале, а пропал без вести в январе 1943... пиши пиналын <мамае> монэнным кыле но, мон виссыны кутскиса, монэ келя Гондырвай гуртэ мамаосыз доры. Мон уродмиськем но, ыстайлам телеграмма, берты шуыса. Сое бертыны уг лэзэ, но со всё равнобертэм, и со понна сое тюрьмае келяло З арлы, но со пукем 1,5 ар. Собере бертэ гуртэ но, сиксын пу кораннысй ёй, не, бертылыни. (Мама с папой тогда <в начале войны> жили в Ижевске. Мама работала на заводе, где штыки делали. А папа работал в банке, кем он был, не знаю, но по городу-де деньги собирал... Папу на войну взяли в феврале 1942 г., а в январе 1943... он пропал без вести... Мама со мной маленькой осталась, я заболела, она отправила меня в деревню к родителям. Когда мне совсем плохо стало, ей телеграмму послали, чтобы приехала. Её не отпустили <с работы>, но она всё равно приехала, и за это её в тюрьму на три года посадили, она 1,5 года отсидела. Потом в деревню вернулась, на лесозаготовках работала. Как она говорила, дома даже не появлялась»² (Зап. от М.И. Степановой, 1940 г.р., урож. д. Сильво, Шарканский р-н) [Вахрушева 2009, 125].

До сих пор внимание и научных работников, и краеведов направлено в большей степени только на военные подвиги (см., например: [Назмутдинова 2015; Ютина 2015; Ложкина 2015]). Можно сказать, что сбор материалов и научное осмысление устных рассказов о жизни в тылу (о работе на заводах, лесозаготовках, в колхозах и т.д.) фольклористами и историками Удмуртии только начинается³.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по военной теме в удмуртском фольклоре целенаправленно зафиксированы относительно недавно. Это в основном устные рассказы деревенских жителей о непосильной работе на военном строительстве, предприятиях торфодобывающей и лесозаготовительной промышленности [Родионов 2015, 145], круглосуточной работе на колхозных полях [Христолюбова 2015]. Если бы не целевые вопросы по отдельным этнографическим и фольклористическим блокам, все полевые тетради экспедиций конца XX в. могли быть заполнены только подобными историями. В них — эмоциональный «надрыв» переживших военное и послевоенное время поколений, который, возможно, оказался сильнее физического.

Одним из постоянных сюжетов историй, рассказанных в разных районах, — строительство железной дороги Ижевск — Балезино. Эта ветка должна была соединить ст. Ижевск с железнодорожной веткой на ст. Пермь и далее — на запад и восток. Начало работ было положено военными строителями, но когда все они оказались на фронте, стройка была объявлена народной. 1 сентября 1942 г. было принято совместное постановление Совнаркома УАССР и бюро обкома ВКП(б) о мобилизации колхозников [Удмуртия 1995, 117]. Строительство 146 км трассы началось в январе 1942 г., рабочее движение было открыто уже 27 января 1943 г. «В период наибольшего разворота работ ежедневно на трассе трудились до 24 тыс. пеших и 7500 конных колхозников из 29 районов, которые в основном вручную выполнили свыше 3 млн м³ земляных работ; произвели вырубку леса

² Здесь и далее (за исключением указанных случаев) буквальный перевод авторов статьи.

³ Благодарю директора Музея им. М.И. Калашникова Н.В. Вечтомову и сотрудников экспозиционного отдела Д.А. Сырчину и А.В. Зеленину за предоставленную информацию о начале работы (2015) по записи воспоминаний рабочих и возможность познакомиться с аудиоматериалами и расшифрованными форматами записей. — Т.В.

на расстоянии 95 км трассы и обеспечили внутритранспортные перевозки грузов. Труднейший участок стройки “Кекоранский”. В отдельных местах высота насыпи достигала 22 м, глубина выемки — 18 м» [Шадрин 2008, 349, 350]⁴.

В Акте правительственной комиссии по приемке в постоянную эксплуатацию железнодорожной линии Балезино — Ижевск от 9 февраля 1945 г. под грифом «Секретно» говорилось: «...п. 4. Строительство линии Балезино — Ижевск начато в январе 1942 г. Рабочее движение на новостройке было открыто в марте 1943 г. В течение 1943–1944 гг. по линии перевезено различных грузов 1600 тыс. т, главными из которых являлись спецдредвесина для авиазаводов, рудостойка для Донбасса и топливо для оборонных заводов» [Хрестоматия 2007, 344, 345].

На трассе было отработано около 3 млн человеко-дней. Все основные, наиболее трудоемкие задания (рубка леса на трассах, земляные и балластировочные работы) были выполнены местным колхозным населением. Трудились на строительстве подростки 13–14 лет, женщины, старики [Родионов 2015, 149].

За скучными строками научно-информационных статей, правительственные постановления и документов — судьбы отдельных людей, каждого «человеко-дня»:

«Мыным соку 19 арес вал. Со сярысь <сюрес лэсътон сярысь> тодймы сельсовет председательлэсь... Гуртъёсын воргоронъёс ёй вал бере, люказы пересъёсты, пинальёсты, нылкышноосты... Отчы кыктой мынймы. Куазь туж пойс вал. Вузммы бере балаганъёс лэсътилмы, отын улымы но, сиён но пёрамы. Балаганъёс туж трос вал... котькуд сельсовет нимаз интыяськылз. Котькуд ёрослы сюрес лэсътины инты висъямын вал. Милемлы, алнашъёслы, сётйзы Кекоранэ. Та инты тужгес но шугез вал. Озы ке но, жадёнэз валатэк ужамы. Нормаэз быдэстытэк уг луы вал. Ужандорын кивалтйсёс милемыз чакласа гинэ возизы. Ялкарыны пукиссикод ке, соку ик черектийсъкылзы. Гужем туж пойс вал. Ярам коть, вёзамы шур бызиз. Отын ик мисьтисъкытим но пылаським. Дайсъмес но отын миським... Мон отын одиг гужемзэ гинэ ужай. Эшио Каркалайын нюлэс коранэ

ветлий. Таиз нюлэс но Кекоранлэсь кыдёкын ёй вал. Татын но апаеням ёши ужамы. Кык киосын сүзёнтэм пасъкыт писпумес апаеням бычкыен погыръямы. Татын но котьку нормамес быдэсъямы. Ноши нормадэ уд лэсътийсъкы — изыны уг лээ. Погыртэм писпумес асьмемыз ик вандылытйзы, коратйзы... (Мне тогда 19 лет было. О том, что дорогу делать будут, узнали от председателя сельсовета... В деревнях мужчин не было, собрали стариков, детей, женщин... Туда два дня ехали. Очень жарко было. По приезде стали балаганы делать, там и жили, и еду варили... Балаганов очень много было, каждый сельсовет отдельно располагался. Каждому району определенный участок дороги сделать надо было. Нам, алнащам, Кекоранский участок дали. Это был самый тяжелый участок. Не покладая рук работали. Норму надо было выполнять. Начальники за нами всё время следили. Только присядем отдохнуть, тут же окликали, работать заставляли. Лето было очень жаркое. Хорошо еще рядом речка протекала. Там умывались, купались. Там и стирали... Там я одно лето только проработала. После в Каркалае лес заготавливали. И там я со старшей сестрой вместе работала. Деревья, которые обхватить было невозможно, пилами спиливали. И здесь норму каждый раз выполняли. А не выполнишь — спать не разрешали. Сваленные деревья сами же и распиливали, <сучья рубили>) (Зап. от В.П. Макеевой, 1923 г.р., урож. д. Мырк Ошмес, Алнашский р-н) [Макеева 2011, 9, 10];

«Туж секыт вал со аръёс. Сиыны нянь ёй вал. Кисьмам нянзэ октыны нокинлы. Гуртъёсын калык туж ёжыт кылемын. Воргоронъёс — ожын, ми кадъёс — чугун сюрес лэсътонын но нюлэс коранын. Милемлы сюрес лэсътон туж но туж сэкитэн сёттисъкиз. Ваньмыз сямен киын лэсътийсъкиз. Пумитамы шедись тужгес но бадзым гурезъёсты пуштытъязы, ноши ми соку балаганъёсы ватсылийм. Балаганъёсмы вылэ сюй люкъёс усылыз, туж кишиким вал... Сюэз валъёсын нуллоно луылз. Валъёсмес гурезъязы уллань каллен васъкытъяны тыриими: кин тодэ — я бекмыльтисъкод, я сюед кисьтисъкоз. Валъёс трос, огез бёрсын огез мынйзы. Начальникъёс заман мыныны косыса, “Гормозтэк,

⁴ По воспоминаниям коллеги М.Г. Ивановой, ее мать, А.Е. Евсеева, 1924 г.р., урож. д. Верх-Кватчи, Можгинский р-н, начинала захлебываться от рыданий от одного слова «Кекоран». — Т.В.

тормозтэк! шуыса кесяськылйзы... Улон условиосмы туж уродэсъ вал. Майталмы ёвёлэн, ваньмы тэйзимы. Кошикись шур дуре султыса, дйсъкутмес күштийсъком ны сээзъясъкомы вал... Ноши жытъёсы тылском лэсътыса, отчы тэйёсмес куашкатъямы. Тэйёс тачыр карыса жүаллязы. Оломае но чидасъкыз татын. Нокин но медаз адзы таиче дыръёсты. (Очень тяжелые были эти годы. Хлеба не было. Поспевшие хлеба убирали некому. В деревнях народу мало. Мужчины — на фронте, мои сверстники — на строительстве железной дороги и на лесозаготовках. Нам строительство дороги очень уж тяжело досталось. Все вручную делали. Попадающие на пути особенно большие горы взрывали, мы тогда в балаганах прятались. На балаганы большие куски земли сыпались, очень страшно было... Землю на лошадях возили. Лошадей под гору старались помедленнее вести: кто знает — или опрокинешься, или земля вывалится. Лошадей много было, они друг за другом шли. Начальники нас торопили, “Без тормоза, без тормоза!” — кричали... Жили мы очень плохо. Мыла не было, все завшивели. У реки вставали и, раздевшись, одежду трясли... А вечерами костры разжигали и над кострами одежду вытрясали. Вши аж с треском горели. Что только не вытерпели мы там. Никто пусть не увидит таких времен <больше>)» (Зап. от А.А. Макеевой, 1928 г.р., урож. д. Юрт-Какси, Алнашский р-н) [Макеева 2011, 11–12];

«...<карт луонэ> сикись өз бертылы. Сюрес лэсъто <вал>, валэн кёлбы ворттыса улэмын, сионзы ёвёл. Пегэйни куткиллям ны, гуртэ вутэк, шедьтэллям, жугыса обратно ужан ыстиллям. Пыдазы кут, ...кучинь нуналскын постьтэ ни, бинялтон вылын ужамын... (<Муж, будучи подростком,> работал на строительстве дороги, возил гальку на лошади, еды не было. Решились они убежать, но не успели до деревни добраться, их нашли, с побоями обратно на работу отправили. На ногах лапти, ...за три дня изнашивались, так на онучах и работали <там>)» (Зап. от А.Ф. Аникиной, 1935 г.р., урож. д. Гондырвай, Шарканский р-н УАССР) [Вахрушева 2009, 76–77].

Часто случалось так, что человек, отработав «одну очередь», попадал и во вторую, и в третью. По воспоминаниям И.Е. Вочкиanova (1927 г.р., урож. д. Русские Адам-Учи, Граховский р-н), вначале он попал на строительство железной дороги.

Летом жили в полуземлянках. В вырытых ямах ставили столбы. Сверху накиданы жерди, покрыты хвойными лапами. Внутри — покрытые хвойными лапами нары. Спали вповалку по 30 человек. Техники никакой не было, спецодежду не выдавали, работали за кусок хлеба, выдавали по 800 г на человека. Там работали около 2 месяцев. В бане ни разу не мылись, обовшивели, все тело в коростах... пообносились, одежда и обувь превратились в лохмотья... [Удмуртия 1995, 203]. На строительство дороги он попал и во вторую мобилизацию, которая была в этом же 1942 г. после завершения уборки урожая:

«Жили в деревне, ютясь на квартирах. Условия работы были намного сложнее летних. Земля была застывшая, кругом лежал снег, ее долбили ломами, железными клиньями с кувалдой... С неделю маялись, пока кто-то не придумал обогревать землю с помощью костров... И так работали до конца декабря: ночью — костры, а днем — вывозка талой земли. Когда рубили просеку, жили в поселке бывшего леспромхоза в бараках, насквозь промерзавших и покрывавшихся изнутри и снаружи инеем. Зима 1942–43 гг. была лютой, а нам даже негде было просушить мокрую одежду и обувь после работы. Портянки сушили своим телом, подкладывали под себя на нары... Пайку хлеба выдавали только при условии выполнения нормы, поэтому работали весь световой день, “прихватывая” и вечерние часы...» [Удмуртия 1995, 204].

Строительство железной дороги стало впоследствии темой отдельных книг воспоминаний [Кралина 2003], повестей, дополнительных документально зафиксированных источников:

«Кекоранэ, чугун сюрес лэсътонэ дасясыкыны кутским. Ваньмы огъёзэсъ, 14–15 аресъемесь. Пыр сюмаса улмен, пиналысен секүттү ужъёсын пашимен, ваньмы огкадь чиедэсъ, лапегесъ... (<В августе 1942 г.> Начали собираться в Кекоран, на строительство железной дороги. Все одногодки, 14–15-летние. Всё время недоедающие, с детства на непосильной работе, все одинаково худые, небольшого росточка...)» [Гусев 1995, 119–120]; «Куазь зорыку, вылысытымы дйсъкутмы одиг нюжаез кылыштэк котмылйиз. Воштос дйсъёсмы ёй вал, куасытисъкон интымы но ёвёл. Кот дэрмен, кот штанен ик кёлвины выйдисъком. Иззыкумы вылысытымы, париськись кыед

люкысь кадь, бус жүтске... (Когда дождь шел, промокали до ниточки. Сменной одежды не было, сушить негде. Так в мокрых рубахах, мокрых штанах спать и ложились. Когда спали, от нас, как от навозной кучи, пар шел...)» [Емельянов 1995, 33].

Не менее тяжелой была жизнь в самой деревне, где трудились в военные и послевоенные годы приходилось и детям:

«Ми, кык сестраос, пичи дыръямы ветлімы урисъкыны, етін ишикыны. Сизым арессын колхозе ужаны ысъяло вал ини. Бадзымез сестрамы, Нина нимоез, ужаз сплавын, сюрес ләсътоннын, күдэз ке ванъэ ласътизы кивин. Одігез сестрае сикын ту кораса уліз... Пичи дыръямы туж секит вал улон, самой ёзви юнман дыръя сиимы турын-куар кумель, нянъ ёй вал, картошка уг окмы вал. Музъем пүшкы кылем картошкаез октыса ветліськом вал <тулыс>. Мамае ужаз валэн, сюрес вылыс бертыләмъын ёвл, мужикъёс местаын ужаса уліз. Мамае куарасъкыса но милемды слодыны выриз, Порозово гурт уггес ёрмы вал, оти но ветліз. Котомкаен вае но, ачиз нош сюрес вылә коишке вал. Колхозын 1 кг пызы сёто вал но, соин куарнянъ пыжыса кельтэ вал. Ачиз голodom коишке вал. (Мы, две сестры, ссызмала ходили полоть, лен дергать. В семь лет уже в колхозе на работу посылали. Старшая сестра, Нина, работала на сплаве, на строительстве <железной> дороги, где все вручную делали. Другая сестра на заготовке леса трудилась... Детство наше очень тяжелое было, как раз в пору, когда тело формируется, если мякину травяную, хлеба не было, картошки не хватало. В земле оставшуюся картошку собирали <весной>. Мать все время на лошади <работала>, с извоза дома почти не появлялась, вместо мужиков всё работала. Побираясь да нас кормить старалась, в Порозове <одной из соседних деревень> не так бедствовали, и там она милостыню просила. В котомке принесет, а сама снова в дорогу. В колхозе по 1 кг муки давали, она из этой муки сочни нам пекла. Сама голодная на работу уходила)» (Зап. от М.А. Едыгаровой, 1937 г.р., урож. д. Гондырвай, Шарканский р-н УАССР) [Вахрушева 2009, 107–109];

«...пичи дырме, война бервылтий уләмме туж умой тодісько... нянъ ёй вал бере, пісім гужемен нуналлыш быдэ октіськом вал турын, дикой клеверез. Сое посо-а, изо-а, отчы одіг кырым пызы поно вал и лүэ вал съёд-съёд лепешка, а пызы турынэз ога-зе каре вал, ляке. Картофка мерттыны

план, видимо, бадзым сёто вал, а копаса уг быдто. Тұлыс адямиослэн но пудоослэн но сиёнзы уг луы ни, и вань калык луд вылә мынэ кынмен картофка октыны. Пыдесын чош сюе выёно, и озыи ик со кынмен картофкаез октіськом вал, и соин олады пыжо вал, көмзэ гинэ палало но пыжо. Всё ж таки турын со ёвл... 1-тій класс мыйним но сразу ужаны кутскими. Дышетском бере сразу мыйниськом вал сиён октыны, одіг сиён но луд вылә уг кылы вал. Етінә ветліськом: ишикаськом, тышикаськом, волдіськом, жүтійськом. Ужаммы бере күддүръя <гинэ>, ялан уг сёто вал, жыны шорем нянъ. Бадзымгес будәммы бере гужем ужаськом вал турын бордын: турнаськом, берыктійськом, мажсаськом, люкаськом. Соку горд клевер туж зеч лүэ вал. Валокез асыме жүждә ик, нокызыы но ум вормиське вал люкыны. Туж куашка шуыса, ванъэз ужаськом вал уин... (...детство свое, то, как мы после войны жили, хорошо помню... хлеба не было, по летней жаре каждый день траву собирали, дикий клевер. Его разминали или мололи, к нему добавляли горстку муки, и получались черные-черные лепешки, мука склеивала. Картошку сажать план, видимо, большой давали, собирать всё не успевали. К весне ни у людей еды не было, ни скоту ничего не оставалось, все на поля шли мерзлую картошку собирать. По колено в грязи, так собирали, из нее олады пекли, кожуру чистили и пекли. Все-таки это не трава... В первый класс пошли и сразу работать начали. После уроков сразу шли на поля, чтобы собрать всё. На лыне работали: теребили, обмолачивали, расстилали, после вновь собирали. Иногда только, не всегда, давали по пол-ломтю хлеба. Подростками помогали убирать сено: косили, переворачивали, сгребали, стоговали. Тогда красный клевер очень хороший был. Валки его с наш рост были, еле-еле отделяли. Он ведь крошился <днем>, потому ночью работали...)» (Зап. от М.И. Степановой, 1940 г.р., урож. д. Сильво, Шарканский р-н УАССР) [Вахрушева 2009, 128–129].

Другой сквозной темой устных рассказов является тема тяжелейшего труда на лесоповале, куда отправляли всех трудоспособных:

«Толалтэ вань быгатайсез коишке вал сике, и егитъёс ваньмыз сике коишко, и озыи ик толзы ортче. (Зимой все, кто мог <работать>, были на лесозаготовках, все

молодые уходили, там всю зиму и работали» (Зап. от М.И. Степановой, см. выше) [Там же, 129]. Особенно тяжело приходилось женщинам без детей, которых, считалось, дома никто не ждет: «Мой муж был на войне... А нас в лес <на лесозаготовку> отправляют. Некоторое время... в лесу впроголодь поживешь <и> возвращаешься <домой>. Снова гонят <в лес>: «Давай, иди, иди опять!» На лошади еще я бревна вывозила. На лошадях ночью отправляемся... <и> вывозим... Вот у меня ребенка <тогда еще> не было, и постоянно <меня> отправляли... в лес. Целую зиму работаю... <в лесу>, <а> как весна наступает, начинаю пахать. Даже девяносто соток <за смену> одна вспахивала...»⁵ [Карпова 2005, 177, 178]. Не менее тяжелой была участь оставленных без присмотра детей: «Тяжелой раньше была жизнь. Я <из детей> в семье была самой старшей. Мать на лесозаготовку отправилась, отец работал конюхом. Однажды <мы, дети> легли спать на полати. Чтобы младшая сестра не плакала, дала ей свою губу <вместо груди>. Даже так пыталась усыпить. Однажды, когда отец ушел уже на войну, мать отправилась в дальние деревни лес рубить. Двенадцать дней мы жили впроголодь. Из-за отсутствия дров углы дома <я> вырубала <и> заносила <домой>. Воду с солью варила <вместо супа>. Иногда саламат варила» [Карпова 2005, 157, 370–374 и др.].

К оригинальному виду удмуртских рассказов-воспоминаний, на наш взгляд, можно отнести и ритуальные песни. В северных и центральных районах Удмуртии до сих пор сохранена традиция импровизированного пения на асемантические слова, перемежающиеся семантическими вставками (*крезъ* — напев, мелодия, песня без слов). Этномузикологи пишут, что «неоднократно случалось наблюдать, как певица постепенно “ходит” от заданной обрядовой темы и начинает выражать свои личные чувства песней» [Нуриева 2014, 32]. «Личные чувства» поколения военного времени — факты и события личной биографии (непосильный труд, сиротство, вдовство), воспринимаемые одновременно и как ниспосланность свыше / судьба, и невнимание общества к его «малости» — отдельному человеку, могут

быть выражены в ситуации исполнения любого обрядового напева, например, напева «вызывания слез невесты» (*ныл бörзитон крезъ*):

Гыдыр гыдыр йалам ли ну ведь, эк эк говорю,
ой как ли ой ли йалам ли да, э как.
Э, мир йалам ли ну ведь, ок ок ли да, э
только да ой только да ну, йалам ли да ну
ведь ой ведь сказала.

Были, были, были миры ну ок, эк эк ли да,
ой как ли да ой как ой как ну ведь э,
пожила ну свет.

В этом мире ну жила да поживала, эк э
хорошего не будет, ой не увижу ну, гыдъэрэ
да йалам ли да.

Работала-работала да ну говорю ведь э,
везде да ходила (работала) говорю, пенсию
да мне государство не дает ведь.

Железную дорогу да строила ну ведь, лес
да валила да ну ведь, эк эк эк эк
ой только да йалам ли да⁶

(Зап. от Н.А. Ильиной, 1928 г.р., д. Старый
Безум, Юкаменский р-н. Соб. И.М. Нуриева;
выделено автором) [Нуриева 2014, 32–33].

Но чаще всего размышления о жизни становятся темой при воспроизведении «горестного напева» (кöt куректон / курекъяскон крезъ/голос):

Эх, да как же до смерти да прожить,
говорю же я да,
Кто же помощником будет да, кто
похоронит да,
Э, говорю, же, ведь, да,
Если немножко раньше родиться бы да
ведь да, сейчас поздновато было ведь да.
Почему же нам такая плохая жизнь да ведь
Досталась ведь да,
Не видали мы человеческой жизни —
ни одеться, ни досыта поесть.

Ой, что же с этой душой да
Делать да, как же все вытерпеть да.
Почему же по-человечески жить
не привелось да, почему же, говорю да ведь.
Куда-то учиться идти бы хотелось да,
нам воли не было да ведь.

Столько ведь работали да, как будто весь
лес хотели срубить да.
Наш светлый мир, наша жизнь — один
лес да дорога только были ведь да
беспространство,

⁵ Здесь и в последующем примере перевод Л.Л. Карповой.

⁶ Перевод И.М. Нуриевой.

Ничего не видела хорошего, а увиденное-
пережитое... (плачет)⁷
(зап. от К. А. Баженовой, 1930 г.р., д. Верх.
Парзи, Глазовский р-н. Соб. И. М. Нурие-
ва) [Нуриева 2014, 43–44].

Еще один яркий пример импровизаци-
онного пения на тему войны:

Э бен и гинэ но эк бен и но вералом-ай ук,
Ойдолэ но бен ук э кычэ ке но улон умой
вал ук
Э <...> сюрс укмыс сю ныльдун одиг арысен
Кычэ улон урод луиз ук, мыным соку дас
одиг арес гинэ вал ук.
Ми шудонэз но умой-умой ём адзылэ ук.
Школайын салдатъёслы ыжгон тугыто вал.
Сэрэ соослы, кин быгатэ, салдатъёслы
ыстын пöэз керти то вал.
Одиг но эрик ёй вал ук, а кычэ али пиналтёёс
дунне вылын уло ук.
Нуназеозь кёло, а ми кёлонэз но ём адзылэ.
Али зато кёлса гинэ улйсько, таичэ улонэ <...>.
Э война ке ёй лусал ук, кычэ дунне вылын
умой лусал ук.
Кычэ визьмо калыкъёсты ведь
Ваньзэ войнае нуизы но, ваньзы быризы.
Кышноёс күдйиз ук кык арня гинэ мужикен
Уйзы улон но.
Со сяя-а соёс мужик но ѿз адзылэ.
Вот так дела.
Күдйизлэн уг э но
Куать кузя, сизым кузя пиналтёёссы
килизы.
Бубиёссы войнае быризы.
Остэ Иньмаре, сыйчэ улон вал ук, война ке
ёй лусал...
(Э, вот, только, да эх, вот, да, скажем ли, ведь,
Давайте, да вот, ведь, э, какая-то да жизнь
хорошая была ведь.
Э <...> в тысяча девятьсот сорок первом году
Какая жизнь наступила плохая ведь, мне
тогда одиннадцать лет только было ведь.
Мы веселья да толком не видели ведь.
В школе для солдат овечью шерсть бывут
было.
Потом им, кто может, солдатам, чтобы по
слать, варежки вяжут было.
Совсем воли не было ведь, а как сейчас
молодые на свете живут ведь.
До обеда спят, а мы спанья не видели.
Сейчас зато спя только живу, такая моя
жизнь <...>.

Э, если бы не было войны, как на свете
было бы хорошо.
Какой умный народ ведь <был>,
Всех на войну забрали да, все погибли.
Женщины некоторые ведь две недели
только с мужем

Прожили жизнь да.
Кроме этого, мужчину больше не знали
<букв.: не видели>.
Вот так<ие> дела.
У которых ведь, э, да
Шестеро, семеро детей остались.
Отцы <их> на войне погибли.
Господи Боже, такая жизнь была ведь, если
бы войны не было...)⁸
(Зап. от С. А. Широбоковой, с. Зура,
Игринский р-н. Соб. Е. Н. Попова) [Нурие-
ва 2015, 316–318].

Ритуальные песни, вернее, контекст их исполнения оказались причиной порождения рассказов-воспоминаний и у южных удмуртов. С темой войны здесь связаны рекрутские/солдатские песни. До настоящего времени они, наряду с устойчивым в каждой локальной традиции ритуальным напевом, имеют формульные мотивы, компонуемые в произвольном для исполнителя порядке (получение повестки, удостоверение пригодности к службе в военкомате, прощание с родным домом и родственниками, противопоставление мирных будней и солдатской доли, гибель на чужбине или долгожданное возвращение домой). Каждый отдельный мотив равнозначен другим по своему внутреннему содержанию, смысл их выражается в тоске, горе по случаю разлуки с домом, родными, родной стороной [Владыкина, Бойкова 1992, 135–157; Нуриева 1995, 182–197; Владыкина 2004, 221–235; Нуриева 2004, 179–201]. Возможность импровизации в рамках ритуальной традиции «проводов» и заданного напева становится причиной восприятия песни в качестве «именной»/«личной» [Пчеловодова 2013; Нуриева 2014]. Исполненная вне ритуала, она становится своеобразным ассоциированным акустическим «портретом» исполнителя:

...Нас гулять заставил солдат забирающий
приёмник <военкомат>. В приёмник мы зашли, чтобы яблоки купить,

⁷ Перевод И. М. Нуриевой.

⁸ Перевод И. М. Нуриевой.

Не успели мы яблоки купить,
Размером с ладонь бумагу дали.
Размером с ладонь бумагу дали, по плечу
хлопнули, «первый солдат» сказали,
Бумагу нам дали и «первый солдат» сказали.

.....
Так да мой брат пел-гулял.
Ой, широкая-красивая, ой, да моя улица,
И она без меня останется.
Если жемчужные бусы рассыплем-бросим,
ни одна да, ой, бусинка не потеряется
<такая ровная>.
Если конопляное масло, ой, плеснуть, всё
да впитается.

Много улиц в моей деревне да родной,
и она останется без меня.
Родной свой дом хоть и плох, хоть и беден,
<И он останется без меня>.
Мы остались сиротами, из своего
обетшавшего дома я ухожу.
До свидания, до свидания,
матушка-батюшка,
Ждите, ждите *<меня>*, мои младшие
сестры-братья,
Хорошо живите, все родственники мои⁹.
[Вершинина, Владыкина 2014, 275–276].

К записанной в 1990 г. песне исполнительница П.Г. Зорина (1908 г.р., урож. д. Верхний Постл, Завьяловский р-н) сделала следующий комментарий: «*<Дяде та кырзанэз кырзаз>* Войнае коикиз но, ѿ берт ни. Оломар но адзисъиз. Вывылэн дядяелэсь туусс но адземез ѿвёл, пиши кылиз. Сомында аортчемынини, но весь возвысько бертэм-зэ. Бертсал ке, «кытий татчыозь ветлайд» но ѿй шусал мон. Синмаз гинэ учкеме потэ на. Тусбуязз адземе потэ. Туж кырзаме потыса кырзай. Мед кылёз со кырзанэз дунне вылз. Весь ачим но кырзаса-бёрдыса ветлісько. Кёня курадёнэз адзисъиз» (*<Эту песню отец спел>* Он на войну ушёл и не вернулся. Что мы только не пережили. Младший брат

отцовского лица даже и не видел, очень маленьkim остался. Столько лет уже прошло, а всё жду его возвращения. Если бы вернулся, даже не спросила бы, где он так долго был. В глаза ему только посмотреть хочется. Лицо его увидеть хочется. Очень уж спеть мне хотелось. **Пусть останется его песня на свете**. Сама всё пою-плачу. Как же мы настрадались» [Вершинина, Владыкина 2014, 364] (выделено нами). — Т. В., Г. Г.).

Весной 2015 г. нам посчастливилось получить еще один образец «личной» песни:

*Гурэё но бон гурезё (й) ук Уддядилэн бусийэз,
Куд гурезе но бон тубылыса, адзод на,*

Параски <монэ>.

*Аслам гынэ но гидям ик ук валэ ке луысал,
Вань туганбэсме вайылыса, монэ келятсал.*
(Гористы да ведь холмисты поля моей

деревни Уддяди,
На которую же гору взойдя, увидишь ты
меня еще, Прасковьюшка.

В своей да конюшне если бы был конь у меня,
Всех своих родных бы привез, чтобы меня
проводили *<сейчас>*).

Песню, исполненную мужем Никифором Григорьевичем Тукаевым во время его проводов на фронт, спела Парасковья Ивановна Тукаева (Маркитонова) (1896 г.р., урож. с. Сарсак-Омга, Казанская губ., ныне — Агрывзский р-н Республики Татарстан). Проживала в д. Уддяди (официальное название — Карамас-Пельга) Удмуртской АССР. Запись была сделана в 1988 г. внуком Г. В. Тукаевым, когда ей было 92 года (дожила до 96 лет)¹⁰. Анализ имеющихся в нашем распоряжении удмуртских музыкально-песенных материалов свидетельствует о том, что, в отличие от русской лирики, где тема войны в основном разрабатывается частушкой [Подюков, Свалова

⁹ Перевод Т. Г. Владыкиной.

¹⁰ Аудиозапись вместе с информацией об истории ее происхождения и рассказом о родной бабушке мы получили от Т. В. Головиной (Тукаевой) (1976 г.р., ныне проживает в с. Завьялово Удмуртской Республики): «Песле огназ 45 аресказ кылиз. Укмыс нылтиез вал. Песятае безвести быриз, жыны ар но ѿ ортчи, дыр. Одиг гожтэт но басытыса ѿ вутты. Ульчын фронтысь гожтэттёсын шудийс налиности адземез углу вал. Курьса, соосты култызяз возиз. Али со гожтэттёсты братэ Тукаев Г. В. Интернете «Подвиг народа» сайтэ пыртїз. Песятайлэс та кырзанэз песяна весь кырза вал. (Бабушка моя с отцовской стороны осталась вдовой в 45 лет. Девять детей у нее было. Дедушка пропал без вести, и полгода, наверное, не прошло. Она не успела получить ни одного письма. Не могла видеть, если чьи-то дети на улице играли фронтовыми письмами. Хотя они были адресованы не ей, она их собирала и хранила. Сейчас эти письма мой брат Тукаев Г. В. на сайте «Подвиг народа» в Интернете поместил. Прощальную песню дедушки бабушка все время про себя напевала». Благодарю Т. В. Головину за предоставленные материалы и информацию. — Т. В.

2013], для удмуртской деревни ведущими оказываются традиционные жанры, дающие возможность высказать чувства в речитативно-сказовой манере¹¹, — в не закрепленном по форме причитании или формульной обрядовой песне, контекст первоначального исполнения которой включает ассоциативную память.

В одном из приведенных выше песен-ных текстов есть потрясающее по внутреннему наполнению-смыслу переведенное буквально выражение «вал ук, вал ук, вал ук дуннеос (были, были, были миры)». Понятие дуннеос — миры — имеет здесь, на наш взгляд, значение не только пространства, но и времени. И переводить его надо как «миры-времена». Миры-времена каждого отдельного человека — его жизни, сопряженной и с окружающим пространством, и со временем, в котором ему суждено родиться. Миры-времена прожиты

и выдержаны поколениями 20–40-х годов прошлого века ценой нечеловеческих усилий. Не потому ли рефреном-заклятием сквозь устные рассказы-воспоминания, рассказы-песни удмуртов проходит такая простая и такая важная мысль: «Зеч мал-пасез сыче улонэз медаз адзы» (О добре думающий / Хороший человек такой жизни пусть никогда не увидит).

Великая Отечественная война теперь уже далекое прошлое нашей страны. Но зафиксирована, к сожалению, только малая толика устных рассказов удмуртов о военном времени. Пока еще есть время услышать голоса тех, кто его пережил. Тех, кого уже нет, помогут услышать их дети и внуки: пора записывать воспоминания «по воспоминаниям». Фиксация устных рассказов и воспоминаний — тоже памятник. Возможно, он гораздо важнее, поскольку он эмоциональный и потому — живой.

Литература

Вахрушева 2009 — Вахрушева Д. В. Личная биография как фольклорный источник: Выпускная квалификационная работа / Науч. рук. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2009.

Вершинина, Владыкина 2014 — Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск, 2014. (Удмуртский фольклор).

Владыкина, Бойкова 1992 — Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1992. (Удмуртский фольклор).

Владыкина 2004 — Ингур (Поднебесье): Хрестоматия по удмуртскому фольклору для средней школы / Авт.-сост. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2004.

Гусев 1995 — Гусев И. И. Їўкыртэ, јуштэ сюрес (Скрипит и стонет дорога) // Емельянов К. В., Гусев И. И. Капка сбóрын; Їўкыртэ, јуштэ сюрес: Повестьёс. Ижевск, 1995. С. 117–140.

Емельянов 1995 — Емельянов К. В. Капка сбóрын (За воротами) // Емельянов К. В., Гусев И. И. Капка сбóрын; Їўкыртэ, јуштэ сюрес: Повестьёс. Ижевск, 1995. С. 117–140.

Карпова 2005 — Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.

Кралина 2003 — Кралина Н. П. Дорога, ставшая судьбой: Повесть. Ижевск, 2003.

Ложкина 2015 — Ложкина Т. А. Об исследовательской деятельности учащихся Шарканской средней школы по военной истории и пуль

бликации сборников работ юных архивистов // «Патриотизм — духовный потенциал Великой Победы»: Матер. Респ. науч.-практ. конф., посв. 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апреля 2015 г.) / Под общ. ред. А. Е. Загребина и В. В. Пузанова: Сб. ст. Ижевск, 2015. С. 207–209.

Макеева 2011 — Макеева А. А. Образ железной дороги Ижевск — Балезино в вербальной культуре: Выпускная квалификационная работа / Науч. рук. Г. Н. Шушакова. Ижевск, 2011.

Назмутдинова 2015 — Назмутдинова И. К. Воспоминания об участниках Великой Отечественной войны в фондах Научно-отраслевого архива Института истории, языка и литературы УрО РАН // «Патриотизм — духовный потенциал Великой Победы»: Матер. Респ. науч.-практ. конф., посв. 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апреля 2015 г.): Сб. ст. / Под общ. ред. А. Е. Загребина и В. В. Пузанова. Ижевск, 2015. С. 100–103.

Нуриева 1995 — Нуриева И. М. Песни звязанных удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1995. (Удмуртский фольклор).

Нуриева 2004 — Нуриева И. М. Песни звязанных удмуртов. Вып. 2. Ижевск, 2004. (Удмуртский фольклор).

¹¹ Тем не менее, если иметь в виду не внешние различия жанров в русской и удмуртской музыкально-песенных культурах, а их функцию и условия исполнения, окажется, что в них больше сходства, чем отличия (сиюминутность переживаний, импровизация в момент исполнения, традиционная образность).

- Нуриева 2014 — Нуриева И. М. Импровизация в песенной культуре удмуртов: жанр, стиль, мышление. Ижевск, 2014.
- Нуриева 2015 — Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: Дис. ... докт. искусствоведения. М., 2015.
- Подюков, Свалова 2013 — Подюков И. А., Свалова Е. Н. Образ войны в народном представлении (по языковым и фольклорным материалам Прикамья конца XX — начала XXI в.) // Вест. Перм. ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 17–28.
- Пчеловодова 2013 — Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: От мотива к сюжету. Ижевск, 2013.
- Родионов 2015 — Родионов Н. А. Удмуртская Республика: путь к победе 1945 года. Ижевск, 2015.
- Удмуртия 1995 — Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. док-тов. Ижевск, 1995.
- Хрестоматия 2007 — Хрестоматия по истории Удмуртии: В 2 т. Т. 2: Документы и материалы. 1917–2007. Ижевск, 2007.
- Христолюбова 2015 — Христолюбова Л. С. Трактористки военных лет. Ижевск, 2015.
- Шадрин 2008 — Шадрин В. А. Ижевск — Балезино // Удмуртская Республика: Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск, 2008.
- Щит и меч 2008 — Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. докт. ист. наук А. В. Сперанский. Екатеринбург, 2008.
- Ютина 2015 — Ютина Т. К. «Вспомним всех поимённо...» (Электронные ресурсы сети Интернет как исторические источники) // «Патриотизм — духовный потенциал Великой Победы»: Матер. Респ. науч.-практ. конф., посв. 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апреля 2015 г.) / Под общ. ред. А. Е. Загребина и В. В. Пузанова.: Сб. ст. Ижевск, 2015. С. 218–224.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Владыкина Т. Г.** — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: +7 (3412) 68-78-44; e-mail: tgv@ladykina@mail.ru
- Глухова Г. А.** — кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета: Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; тел.: +7 (3412) 91-61-66; e-mail: galant@udm.ru

WAR TIME IN UDMURT ORAL STORIES AND SONGS

TAT'YANA VLADYKINA

(Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Division,
Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

GALINA GLUKHOVA

(Udmurt State University: 1, Universitetskaja str., Izhevsk, 426034, Russian Federation)

Summary. The victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945 was achieved thanks to the highest tension of physical and spiritual forces of battles' participants and home front workers. Among the memoires of the wartime, narrated at the territory of Udmurtia, we distinguish between stories of soldiers, workers of defense industry plants and rural workers.

Recurrent theme of the oral biographic stories about the wartime, that are narrated by informants of war-time and post-war generation of the villages is the exhausting work, that was due to the lack of men left for the battlefield, conducted by aged people, women and children in order to implement plans of bread and other agricultural products production, to fulfil the labor duty on construction of the railroad and tree felling.

The original form of Udmurt oral biographic stories is a genre of musical song tradition. Northern Udmurts perform improvisation songs in which stories about their life are revealed

within the framework of a given melody, usually “sad”. Dramatic events of private life (hunger, ruin, death, orphanage) and emotional state at the moment of performance form the basis of improvisation songs. There among the southern Udmurts songs, that are personal in their essence, certain were performed according to ritual tradition of “seeing off”. Reference to farewell songs as to “personalized” gives a chance to restore an emotional picture of farewell (joining the army, leaving for the battlefield) and to draw an acoustic portrait of the performer. This type of songs is performed commonly within the context of the oral story reminiscence.

Key words: the Great Patriotic War; labor mobilization, construction of the railroad, tree felling, oral stories, improvisation songs, personal farewell songs.

References

- Dokumenty i materialy. 1917–2007 (2007) [Documents and Materials 1917–2007]. Khrestomatiya po istorii Udmurtii [Anthology of the Udmurtia History]. In 2 vol. Vol. 2. Izhevsk. In Russian.
- Emelyanov K. V., Gusev I. I. (1995) Kapka sõryny; Žukyrte, žusutse syures: povest'es. <rus. Za vorotami; Skripit i stonet doroga. Povesti> [Outside the Gateway; The Pathway Screeps and Mourns. Novels]. Izhevsk. In Udmurt.
- Karpova L. L. (2005) Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo jazyka: Obraztsy rechi [Middle-Chepets Dialect of the Udmurt Language. Speech Samples]. Izhevsk. In Udmurt with Rusian Translation.
- Khristolyubova L. S. (2015) Traktoristki voenyykh let [Female Tractor Drivers of the Wartime]. Izhevsk. In Russian.
- Kralina N. P. (2003) Doroga, stavshaya sud'boy: Povest' [Road, that turned to be the Destiny: Novel]. Izhevsk. In Russian.
- Lozhkina T. A. (2015) Ob issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya Sharkanskoy sredney shkoly po voennoy istorii i publikatsii sbornikov rabot yunykh arkhivistov [About Sharkan's Intermediate School's Pupils Research Activity in the field of Military History and Publication of Young Archivists' Studies]. «Patriotizm — dukhovnyy potentsial Velikoy Pobedy» [“Amor Patriae as Spiritual Potential of the Great Victory”]. Materials of the Republican Research and Practice Conference, dedicated to the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941–45. Izhevsk, 29—30.04.2015.9 Proceedings. Ed. by A. E. Zagrebin and V. V. Puzanov. Izhevsk. Pp. 207–209. In Russian.
- Makeeva A. A. (2011) Obraz zheleznoy dorogi “Izhevsk — Balezino” v verbal'noy kul'ture. Vy-pusknaya kvalifikatsionnaya rabota [“Izhevsk — Balezino” Railroad’s Image in Verbal Culture. Graduate Qualification Thesis]. Supervised by G. N. Shushakova. Izhevsk. In Russian.
- Nazmutdinova I. K. (2015) Vospominaniya ob uchastnikakh Velikoy Otechestvennoy voyny v fondakh Nauchno-otraslevogo arkhiva instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN [Memories about Combat Veterans of the Great Patriotic War in the Archive Fonds of the Scientific Industry-based Archive of the Institute of History,
- Language and Literature of the Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences]. «Patriotizm — dukhovnyy potentsial Velikoy Pobedy» [“Amor Patriae as Spiritual Potential of the Great Victory”]. Materials of the Republican Research and Practice Conference, dedicated to the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941–45. Izhevsk, 29—30.04.2015.9 Proceedings. Ed. by A. E. Zagrebin and V. V. Puzanov. Izhevsk. Pp. 100–103. In Russian.
- Nurieva I. M. (1995) Pesni zavyatskikh udmurtov. [Songs of Udmurts of Trans-Vyatka]. Issue 1. Izhevsk. In Udmurt and Russian.
- Nurieva I. M. (2004) Pesni zavyatskikh udmurtov [Songs of Udmurts of Trans-Vyatka]. Issue 2. Izhevsk. In Udmurt and Russian.
- Nurieva I. M. (2014) Improvizatsiya v pesennyoy kul'ture udmurtov: zhanr, stil', myshlenie [Improvisation in Song Culture of Udmurts: Genre, Style, Mentality]. Izhevsk. In Russian.
- Nurieva I. M. (2015) Udmurtskaya muzykal'nopesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funktsionirovaniya: Dis. ... d-ra isk. [Udmurt Musical-Singing Tradition: Specifics of Genre Formation and Functioning. Grand PhD Thesis]. Moscow. In Russian.
- Pchelovodova I. V. (2013) Udmurtskaya pesennaya lirika: Ot motiva k syuzhetu. [Udmurt Song Lyrics: From the Motive to the Plot]. Izhevsk. In Russian.
- Podyukov I. A., Svalova E. N. (2013) Obraz voyny v narodnom predstavlenii (po yazykovym i fol'klornym materialam Prikam'ya kontsa XX — nachala XXI v.) [Pattern of the War in the Folk Concepts (according to Linguistic and Folklore Materials from Kama the Rivers Region in the end of the 19th — beginning of the 20th Century)]. Vestnik Permskogo universiteta [Herald of Perm State University]. 2013. Issue 3 (23). Pp. 17–28. In Russian.
- Rodionov N. A. (2015) Udmurtskaya Respublika: put' k pobede 1945 goda [Udmurt Republic: The Way to the Victory anno 1945]. Izhevsk. In Russian.
- Shadrin V. A. (2008) Izhevsk — Balezino. Udmurt Republic: Encyclopaedia. Izhevsk. In Russian.
- Speranskiy A. V. (ed.) (2008) Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dney [Motherland’s Shield and Sword: Armory at the Urals from Ancient Times to Nowadays]. Ekaterinburg. In Russian.

Udmurtiya v Velikoy Otechestvennoy voynе 1941–1945 gg. [Udmurtia during the Great Patriotic War 1941–1945]. Collected Papers. Izhevsk. In Russian.

Vakhrusheva D. V. (2009) Lichnaya biografiya kak fol'klornyy istochnik. Vypuskna kvalifikatsionnaya rabota [Personal Biography as a Folklore Source. Graduate Qualification Thesis]. Supervised by T. G. Vladykina. Izhevsk. In Russian.

Vladykina T. G., Boykova E. B. (1992) Pesni yuzhnykh udmurтов [Songs of the Southern Udmurts. Issue 1. Izhevsk. In Russian and in Udmurt.

Vershinina E. B., Vladykina T. G. (2014) Pesni yuzhnykh udmurтов [Songs of the Southern Udmurts]. Issue 3. Izhevsk. In Russian and in Udmurt.

Vladykina T. G. (comp.) (2004) Ingur (Podnebese): Khrestomatiya po udmurtskomu

fol'kloru dlya sredney shkoly [Ingur the Firmament. Anthology of Udmurt Folklore for Schools]. Izhevsk. In Udmurt and in Russian.

Yutina T. K. (2015) «Vspomnim vsekh poimennno...» (Elektronnye resursy seti internet kak istoricheskie istochniki) [Let's Remember Everyone by Name. Electronic Resources of the Internet Web as Sources for Historical Studies]. «Patriotizm — dukhovnyy potentsial Velikoy Pobedy» [“Amor Patriae as Spiritual Potential of the Great Victory”]. Materials of the Republican Research and Practice Conference, dedicated to the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941–45. Izhevsk, 29—30.04.2015.9 Proceedings. Ed. by A. E. Zagrebin and V. V. Puzanov. Izhevsk. Pp. 218–224.

ABOUT THE AUTHORS

Vladykina T.: e-mail: tgvladykina@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

Full Professor (Philology), leading researcher, department of philological studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Division, Russian Academy of Sciences

Glukhova G.: e-mail: galant@udm.ru

Tel.: +7 (3412) 91-61-66

1, Universitetskaja str., Izhevsk, 426034, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, department of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia, Udmurt State University
